

Ж

изнь поэта интересна сама по себе, однако когда его биографом становится значимый для современности писатель, со-зданная им летопись интересна вдвойне, поскольку на выходе к фактам и событиям биографии добавляется еще комплекс оценочных писательских суждений, представляющих дополнительный интерес не только для рядового читателя, но и для историков литературы.

Захар Прилепин в своей новой книге «Непохожие поэты» («Молодая гвардия», серия «Жизнь замечательных людей», 2015) уловил в сети сразу трех авторов — Анатолия Мариенгофа, Бориса Корнилова, Владимира Луговского, которых сложно назвать великими, но, тем не менее, оставивших заметный след в истории русской литературы. В условиях нынешнего переизбытка информации формат повествования, пожалуй, идеальный, позволяющий показать огромный пласт советской истории через судьбы сразу трех выдающихся представителей эпохи: 1920-е годы наиболее ярко отразились в судьбе Мариенгофа, 1930-е — в судьбе Корнилова, альтернативные тридцатые и сороковые — в судьбе Луговского. Книга Прилепина нефилологична, это скорее опыт исторического повествования, уже опробованный автором в «Обитатели». Разница только в том, что в своем романе Прилепин пользовался большей художественной свободой, в то время как здесь вынужден был

следовать за биографической канвой, хотя подробы и интерпретация фактов тоже авторские. Была, правда, еще книга о Леониде Леонове, но она как раз больше похожа на классическую биографию.

Рассказывая о своих героях, Прилепин рассказывает и о себе. Вот он пишет о современных поэтах: «Не знаем, как вы, а мы не отказались бы отпраздновать Новый год в компании Есенина, Шершеневича и Мариенгофа. А с поэтами современными ничего праздновать не хочется, им самим от себя скучно». А вот излагает свои взгляды на прозу: «Малую прозу можно делать на уровне фразы или на уровне абзаца. Это всегда самая эффектная и самая видимая часть работы. Всякую фразу можно принарядить... Большая проза делается на других механизмах, когда сюжет, разрешение характеров героев и вообще движение романа происходит как бы скрыто — это нельзя рассмотреть, это можно сравнить с работой мотора. Все едет, но ты не видишь, как именно такая махина приведена в движение». Авторские отступления, впрочем, не слишком навязчивы.

Есть и пробелы, когда Прилепин пытается выглядеть филологом, это у него выходит неважно. Вот он пишет об ассонансах Мариенгофа и приводит два примера: «тополь — пыль», «стакане — коне». Проштурдируй Прилепин хотя бы томик Гаспарова «Русский стих начала XX века», он бы знал, что в первом случае мы имеем дело не с

НЕПОХОЖИЕ ПОЭТЫ

ВСЕСОЮЗНЫЙ
С'ЕЗД
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

ПЛАВА ВЕРУЕТ
СЕРГЕЙ
АВЕРИН
АЛЕКСАНДР
КОЛОДЯЖНИКОВ
СЕРГЕЙ
КОЛОДЯЖНИКОВ
СЕРГЕЙ КОЛОДЯЖНИКОВ
СЕРГЕЙ КОЛОДЯЖНИКОВ

Захар
Прилепин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ассонансом, а с ударной константой, а во втором — с диссонансом. В другом месте разноударные рифмы: «очаги — чайки», «пепел — тебе», — принимает за белый стих. Проглядели эту несурзаицу и редакторы. Встречаются другие ошибки, например, стихотворение Дмитрия Кедрина в тексте названо «Куклы», а не «Кукла». А разбор стихотворения Бориса Корнилова «Песня о встречном» и вовсе абсурдный, ернический, позволивший разве что студенту 1-го курса Литинститута.

Однако все это мелочи. Книга состоялась. Самой цельной, пожалуй, получилась часть, посвященная Борису Корнилову, за исключением глав «Исходит кровью человек», с избыточными примерами стихов о смерти и «Самое знаменитое стихотворение», с вышеупомянутым разбором «Песни о встречном». Биография поэта уложилась в десятилетие, материала не так много, сам Корнилов о себе, кроме стихов, написать ничего не успел — есть где разгуляться. К Корнилову биограф подошел с любовью — все-таки свой, нижегородский, больше даже чем Мариенгоф укорененный. Не поэтому ли При-

лепин город Семенов и житье-бытье его обитателей, в их числе и Корнилова, описывает куда полней, чем Нижний Новгород Мариенгофа, хотя и тот и другой прожили в своих городах примерно одинаковое количество времени? Удачным вышло сравнение Корнилова и Павла Васильева, действительно похожи — и в жизни, и в творчестве. При этом биограф не стал ретушировать поведение Корнилова на товарищеском судилище писателей над Васильевым, хотя мог бы: дескать, заставили Корнилова подписать это гнусное письмо — приговор Васильеву. Но автор честен: «Предал брата и свое отражение. Думал, что подписался под чужим приговором — а на самом деле под своим». Без ретуши показано и следствие над самим Корниловым, почти по Оруэллу, разве что без страха арестованного, — арестовали за жизнь, расстреляли за стихотворение «Елка».

Поэзию Корнилова Прилепин оценивает так: «Корнилов периодически силится взять эту бойцовскую, залихватскую, красноармейскую интонацию, но она ему не всегда дается — потому что его истинная стихия совсем другое: ироничная, с ухмылочкой советского повесы, любовная лирика, и тут же — ужас смерти, хрупкость — он об этом вот».

А вот Анатолия Мариенгофа Прилепин все-таки переоценил: пока он писал историю имажинизма, это было уместно, дальше стало скучновато, несмотря на любовь автора к поэту. Всячески он пытается представить своего героя как новатора. А кто им тогда не был — да и весь имажинизм, по сути, всего лишь рецидив футуризма в его различных проявлениях — эго, кубо, «Центрифуга» и т.д., отсюда и скандальное поведение. Мариенгоф лишь довел прием до абсурда. Много усилий потрачено биографом и на доказательство того, что он был поэтом не хуже Есенина, по крайней мере, в глазах современников. Однако простое сравнение стихотворений того и другого говорит об обратном, даже в имажинистских своих вещах Есенин оказывается на голову выше, наиболее яркий пример — «Пугачев» и «Заговор дураков».

Тут вопрос надо ставить по-другому: Есенин оказался шире. Все в себя впитал: и имажинизм, и «Суриковский кружок», и Блок с Клюевым, поэтому, когда он имажиниз-

мом переболел, ему было еще что сказать, а Мариенгофу — нет.

Прилепин пытается смотреть на происходящее глазами Мариенгофа, в то время как биограф должен быть сторонним наблюдателем.

С повествованием о Владимире Луговском вышло наоборот, вторая часть биографии явно интересней первой, трагический период получился лучше, чем героический. Позиция автора подкупает своим гуманизмом, читатель сочувствует поэту. Здесь нет судейских оценок, как это бывало прежде в заметках о Луговском.

В свое время Валентин Распутин заставил читателя сочувствовать дезертиру Андрею Гуськову — герою романа «Живи и помни». Луговский дезертиром не был — просто не выдержал груза войны, психика сломалась, поэтому Прилепин, пожалуй, справедливо резюмирует: «Иногда кажется, что в случившемся с Владимиром Луговским есть что-то христианское: он словно один принял на себя чью-то трусость, чье-то бегство, чей-то невскрытый позор».

Обращает биограф внимание и на сегодняшнее отношение к поэту: «В семье Луговских никто не вспоминает о родстве с ним. Классический неудачник, выплунутый новой эпохой. Дочь, Людмила Голубкина, с тихой грустью сообщает: «Мои дети и внуки равнодушны к его поэзии и к его памяти». Коллекцию сабель Владимира Луговского распродали». Здесь бы и закончить, но автор ссылается на Бродского и Бориса Рыжего: последовательно сменявшие друг друга кумиры стихотворцев новейшего времени тоже высоко ценили поэзию Луговского, но это мало что изменило. Все-таки не хочется верить, что время Луговского и других поэтов советской эпохи прошло.

Очень хорошо, что Захар Прилепин завел разговор об этих именах, сделал попытку вернуть их в парадигму русской культуры. Конечно, авторитета одного человека, будь это даже известный писатель, недостаточно, это задача всех деятелей культуры. Никто ведь не мешает литераторам проводить вечера памяти, актерам декламировать стихи, режиссерам снимать фильмы о поэтах, а биографам писать о них книги. Разумеется, советская Атлантида от этого не всплывет, но память об атлантах мы должны сохранить. Николай Асеев, Николай Тихонов, Леонид Мартынов, Ярослав Смеляков... Новокрестьянские поэты — Сергей Клычков, Алексей Ганин, Иван Приблудный... Военные поэты — Михаил Исаковский, Алексей Сурков, Борис Слуцкий, Сергей Орлов, десяток других имен... Разве эти непохожие друг на друга творческие судьбы не заслужили, пусть не отдельного исследования в серии «ЖЗЛ», но хотя бы вот такого общего разговора в рамках, заданных нынешней книгой? Тем более что кое-какие подвижки есть: в «ЖЗЛ» планируется выход тома, посвященного Николаю Заболоцкому — одному из крупнейших поэтов XX века, до сих пор не имеющему классической биографии.

История русской поэзии XX века ждет своих исследователей и читателей, да и современным поэтам без ее осмысления трудно двигаться дальше. Думается, своей книгой Захар Прилепин сделал для нашей литературы гораздо больше, чем люди, гордо именующие себя культуртрегерами, перебивающиеся второстепенными идеями западных постмодернистов и пытающиеся их навязать отечественной культуре.

Русская культура в XX веке свой выбор сделала, сделает и в XXI.

